

Эта темнота пришла вовремя и к месту. Сун Хайлинь, который уже начал отступать, снова набрался смелости.

Его губы были мягкими, с небольшим слоем сухой кожи. Сун Хайлинь прижался к ним, не решаясь двигаться, задержал дыхание, затем резко опустил руку, которая держала его подбородок, и положил её на затылок, притянув его ближе, раздвинул его зубы.

Инвалидное кресло отодвинулось назад от его движения.

Если до этого в его голове оставалась хотя бы капля рассудка, то в момент, когда он коснулся языка, всё исчезло.

Полная пустота. Даже хаоса не осталось.

Су Шэнь не сопротивлялся, даже, казалось, ответил на поцелуй.

Зубы коснулись внутренней стороны губы, где было много нервных окончаний. Это не было больно, но это было вызовом, резко напоминая о себе в этом хаосе, добавляя ещё больше напряжения и агрессии в и без того взвинченного человека.

Сун Хайлинь почувствовал, что сходит с ума.

В этот момент из соседнего двора раздался крик:

— Черныш, иди домой смотреть новогодний гала-концерт!

Он очнулся.

Сун Хайлинь резко выпрямился.

Его рука не успела убраться, она всё ещё находилась в прежнем положении. Они стояли близко, оба тяжело дышали, груди поднимались и опускались, и казалось, что они чувствуют дыхание друг друга.

Только сейчас Сун Хайлинь заметил, что его рука, лежащая на подлокотнике инвалидного кресла, случайно оказалась поверх руки Су Шэня. Несмотря на холод, на ладони выступил тонкий слой пота.

Су Шэнь полуприкрыл глаза, словно о чём-то размышляя.

Бабушка Сун, не получив ответа, снова крикнула:

— Черныш! Новогодний концерт!

За ней раздался детский голос, с характерной для детей пронзительностью, повторяя:

— Черныш!

Сун Хайлинь, нахмурившись, посмотрел на Су Шэня, затем резко развернулся, сделал несколько шагов, наступил на кирпич у основания стены и перепрыгнул через забор, опершись на него рукой и исчезнув из виду.

От момента, когда он начал бежать, до того, как перепрыгнул, он сделал всего три шага.

Это был самый быстрый его прыжок через забор.

Су Шэнь поднял руку и слегка коснулся суставом указательного пальца своих губ.

Затем он услышал с другой стороны забора:

— Кто тебе разрешил перелезть через забор!

За этим последовал детский голос, повторяющий:

— Перелезть через забор!

Сун Хайлинь, вернувшись домой, сначала получил нагоняй от бабушки во дворе, а затем был затащен в дом, где вся семья собралась смотреть новогодний гала-концерт. Его тётя, увидев его покрасневшее лицо, тут же накинула на него свой шарф:

— Замёрз на улице.

В доме было тепло, окна покрылись толстым слоем пара.

Сун Хайлинь покраснел не от холода, а от того, что в доме было жарко, и его уши буквально горели. Его тётя, словно в самый разгар лета, поднесла ему шерстяной шарф.

Кончики его пальцев всё ещё слегка дрожали, а пот на ладонях, высохший от ветра, стал ещё холоднее.

Это контрастировало с жаром в его ушах.

Он прижал руки к ушам, пытаясь немного остудить их.

На телевизоре шли музыкальные номера, все сидели вокруг столика, щёлкали семечки и ели сушёные сливы. Его младший двоюродный брат бегал туда-сюда, подпевая телевизору.

Сун Хайлинь до сих пор был в полной прострации, его глаза смотрели на телевизор, но в голове была только одна мысль.

С ума сойти.

Он сошёл с ума.

Он поцеловал Су Шэня.

Не просто поцеловал.

Он поцеловал Су Шэня по-настоящему.

Не в мечтах, не в фантазиях, а в реальности, лицом к лицу.

Он любит Су Шэня!

Он знал это уже давно. Но он никогда не думал, что это чувство будет настолько сильным. Он давно понял, что не испытывает влечения к девушкам, и должен признать, что сам Су Шэнь очень привлекателен. Его манера держаться с незнакомыми людьми, его скрытая хитрость, его нетерпение ко всему вокруг, его остроумие, способное поставить любого в тупик, его сарказм в борьбе с болтливыми соседками, его серьёзность, когда он говорил о несерьёзных вещах. Всё это привлекало.

Но в его самоанализе, который длился целый семестр, это было просто привлекательно.

Поэтому он любил Су Шэня.

Как в детстве, когда он увидел игрушку в McDonald's и сразу захотел её.

Потом он долго думал о ней, зная, что родители не разрешают ему есть в McDonald's, но всё равно начал копить деньги на детский набор, чтобы получить игрушку, которую потом спрятал в коробке, чтобы никто не узнал.

Вот такая это была любовь.

Он всегда думал, что его влечение к Су Шэню было чем-то, что не влияло на него, что можно было аккуратно спрятать и никому не показывать.

Поскольку оно не было сильным, он мог спокойно держать его в себе.

Оставаться на уровне друзей, с которыми он мог шутить, общаться и находить общие темы.

Вот такая это была любовь.

Не та, что сейчас, когда он хотел завладеть им, когда в его душе бушевала буря.

Даже если отбросить всё это, он не знал, что думает Су Шэнь. То, что он гомосексуалист, не означало, что Су Шэнь тоже. Он любил Су Шэня, но это не значило, что Су Шэнь любил его. Всё ещё было неясно, и его безрассудный поступок удивил его самого.

Последствия этого могли быть любыми. Су Шэнь мог перестать с ним общаться, мог избегать его, но, судя по его характеру, скорее всего, он бы сделал вид, что ничего не произошло.

Эти неопределённые последствия выходили за рамки его контроля.

Поэтому, совершив этот поступок, он был в панике.

Он потерял контроль. Его любовь изменилась.

Он погрузился в свои мысли, когда мама похлопала его по плечу:

— Достань телефон, отправь своим учителям, тётям и одноклассникам поздравления с Новым годом. Уже несколько детей моих знакомых отправили мне поздравления. Не будь невежливым.

— Быстрее, — добавила она, видя, что он всё ещё в прострации.

Он наконец пришёл в себя и медленно достал телефон.

Как только он включил его, на экране появилось множество сообщений от мамы Паня.

[С Новым годом, с Новым годом, поздравляю Линь Линь с Новым годом.] — Линь Линь? Да что ты сдохла!

[Рождество прошло, наступил Новый год, за Новым годом следует Весна, за Весной — 8 марта, за 8 марта — 1 мая... Думаешь, я назову все праздники сразу? Нет, я просто хочу поздравить тебя с Новым годом!] — Ты несёшь чушь!

[Ты арестован в Новогоднюю ночь за следующие преступления: быть слишком хорошим

другом, быть верным, иметь молодое лицо и яркую улыбку. Суд постановляет: ты должен быть моим другом на всю жизнь, без права обжалования!] — Чтоб тебя!

[Скоро Новый год, я хочу купить тебе Mercedes, но это слишком дорого; хочу отправить тебя за границу, но это расточительно; хочу устроить тебе пир, но это вредно для желудка; хочу подарить тебе розу, но это недоразумение; хочу поцеловать тебя, но это неправильно! Поэтому я просто отправлю тебе SMS с поздравлением с Новым годом — это самое практичное!] — Если бы у тебя были деньги на Mercedes, ты бы их подарила!

[Желаю тебе в Новом году богатства, чтобы ты стал толстым, как свинья; здоровым, как медведь; чтобы любовь была сладкой, как мёд; чтобы удача была, как волосы на спине быка; чтобы карьера росла, как крылья орла.] — Ты сама как животное!

Сун Хайлинь, прочитав все эти странные сообщения, ответил маме Паня:

[Пань, ты умрёшь!]

[Ха-ха-ха-ха, посмотри, какие странные SMS получила моя мама!]

[Я лично передаю тебе свои поздравления.]

Мама Паня ответила двумя сообщениями.

Сун Хайлинь, глядя на слова «Мама Паня» на экране, словно видел её ухмыляющееся лицо, вздохнул и убрал пальцы с клавиатуры.

Ладно, если он расскажет маме Паня о произошедшем, она будет смеяться до конца экзаменов и университета.

Он вышел из папки с отправленными сообщениями и поднял глаза на телевизор. На экране шёл комедийный номер, два актёра в тёмно-красных халатах выглядели очень довольными. Вся его семья любила комедии, и сейчас никто не смотрел в телефоны, все смеялись, глядя на экран. Особенно громко смеялась бабушка.

Комедиант на экране сказал:

— Ты раньше слышал комедии? Партнёр всегда должен называть комика папой.

— Никогда не слышал!

— Ты не слышал, как старики говорили?

— А кто из стариков так говорил?

— Ну... в общем... они все так говорили!

После этих слов вся семья рассмеялась.

<http://bllate.org/book/15285/1350533>